

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

ФИНАЛ

Любой взгляд очевидца ограничен его личными наблюдениями и воспоминаниями, добавок легко поддающимися эрозии под влиянием беспощадного времени. Конечно, каждый из нас видел немало. Но в огромной мозаичной картине финала Великой Отечественной это лишь маленький камешек. А если говорить о событиях «на другой стороне», то картина краха «третьего рейха»

раскрылась перед нами во всей своей полноте лишь после войны, когда на стол легли документы из секретных сейфов. Вот почему я позволяю себе соединить то, что видел и знал тогда, с тем, что узнал позже. На самом деле: если писателю-беллетристу дана неограниченная свобода вымысла, то должен же иметь документалист хотя бы свободу маневра!

МАРТ 1945 ГОДА. Город Ландсберг. Штаб 1-го Белорусского фронта.

Если бы я вел тогда дневник, то свою первую запись о финале войны начал бы именно с этих слов. Почему в такой общей форме? Да потому, что невозможно точно определить, с какого момента отсчитывать финал Великой Отечественной. Ведь даже в симфониях бывает так, что в финале звучат темы первых частей.

В любом случае для штаба и войск 1-го Белорусского фронта, изготовившихся к завершающей битве, путь в Берлин начался издали. Костяк штаба фронта сохранился со времен великой Сталинградской сражения. Штабом руководил генерал М. С. Калинин. Прежними было и большинство начальников отделов. И разделение штаба перед последней операцией готовил все тот же неутомимый полковник Якимович. Да, тот же полковник, комендант штаба, который в ночь на 1 февраля 1943 года привез плененного генерал-фельдмаршала Паулюса из маленького домика на окраине хутора Заворыгино на допрос к командующему Донским фронтом. Мне, носившему в феврале 1943 года три кубика на петличках старого образца, пришлось тогда переводить Якимовичу.

Думаю, что историкам будет любопытен эпизод, случившийся сразу после первого допроса Паулюса Н. Н. Вороновым и К. К. Рокоссовским. Надев тяжелую шинель с погонами не по форме (новое звание было получено за два дня до пленения, и в осажденном Сталинграде негде было достать фельдмаршальские погоны), Паулюс внезапно обратился к Якимовичу с просьбой:

— Не могу ли я пройти до дома пешком?

Я перевел. Полковник сам не решил, доложил начальству. Согласие было дано. Пошли. Ночь морозная, ветер немного утих. И вдруг Паулюс говорит:

— Вы знаете, я так давно не видел звездного неба...

Для него война кончилась. Война, в разработке плана которой он принимал самое непосредственное участие как заместитель начальника гитлеровского генштаба. Теперь же у него было достаточно времени, чтобы задуматься: ведь войны кончатся далеко не так, как задумывают те, кто их затевают. От какого горя в 40-е годы был бы спасен мир, если бы об этом задумывались не после войны, а до нее! А тогда...

Тогда нам надо было еще войну выиграть. Собственно, для этого Советская Армия от Сталинграда пришла под Берлин.

16 АПРЕЛЯ. Первый день наступления. Фото- и киноплёнка сохранили для нас ценнейшие кадры: маршал Жуков на командном пункте 8-й гвардейской армии. В пять часов утра (армия жи-

ла по московскому времени) на оборонявшиеся войска немецкой группы армий «Висла» генерала Хейнрици обрушился беспримерный артиллерийский удар. Затем двинулась пехота...

А как узнали о начавшемся наступлении в Берлине? В бункере имперской канцелярии за полчаса до этого закончилось обычное так называемое «вечернее» оперативное совещание. Гитлер отправился пить чай. И тут раздался звонок генерала Кребса:

— Началось советское наступление! Немедля известить Гитлера, однако он ограничился указанием информировать его о ходе боя. Днем Кребс приехал в имперскую канцелярию и доложил: по его мнению, наступление русских можно задержать. Его поддержали Кейтель и Йодль. Предложение Хейнрици начать отход было гневно отвергнуто Гитлером:

— Нет, мы не отойдем ни на метр! Если мы не удержимся на Одере, то где же еще? Прорыв у Кюстрина надо ликвидировать еще сегодня!

Эти факты тем более важно зафиксировать, ибо в послевоенные годы западная историография часто рисовала картину так: мол, Берлин защищать было некому и никакой битвы вообще не было (цель более чем прозрачная — бросить тень на советскую сторону, которая «слишком долго» шла от Одера до Берлина). Нет, Гитлер, вовсе не собирался сдавать позиции. И на них стояли не только подростки из фольксштурма, а более 500 тысяч солдат генерала Хейнрици и 413 тысяч солдат фельдмаршала Шернера. Почти миллион!

17 АПРЕЛЯ. День для 1-го Белорусского тяжелейший, ибо продвижение войск замедлилось. С ходу не удалось взять знаменитые Зеловские высоты; ввод в бой двух танковых армий не сразу дал результаты. А тут еще пришла телеграмма Сталина в адрес Военного Совета фронта: «Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы можем это сделать и мы это должны сделать».

Ставка Верховного Главнокомандования как в воду глядела: ведь именно 17 апреля на доклад к Гитлеру из Италии прибыл обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Карл Вольф, чтобы доложить о ходе его закулисных, сугубо сепаратных переговоров с Алленом Даллесом — руководителем европейского бюро американской стратегической разведки.

О том, что произошло тогда, в ночь с 17 на 18 апреля, мне удалось услышать из уст самого Вольфа, когда три года назад,

в 1982 году, я беседовал с ним в западногерманском городе Дармштадте. Там бывший обергруппенфюрер доживал свои дни (он скончался в прошлом году).

Вольф хорошо помнил ту беседу — ведь дело касалось, по сути, и его жизни. Обергруппенфюрер опасался, что зашел в своих интригах слишком далеко и ему неodobровать. Но случилось иначе:

— Фюрер быстро сменил гнев на милость и даже похвалил меня. Он даже нашел нужным продолжить разговор и приказал явиться к нему днем. Днем в саду имперской канцелярии, Гитлер оказался исключительно словоохотливым. Он рассказал Вольфу о своем новом плане спасения рейха. План сводился к созданию «трех зон сотрудничества» — в самом Берлине, в Альпах и на севере.

При этом, говорил Гитлер, я преднамеренно оставляю между зонами свободное пространство — от Гамбурга до Берлина, от Берлина до Альп. Там столкнутся противоестественные союзники — коммунистические Советы и сверхкапиталистические американцы. Конечно, Сталин не удовлетворится тем, что было установлено в Ялте. Он захочет ринуться вперед и всеми своими войсками перейдет условленную демаркационную линию. Вот тогда-то англо-американцы и дадут ему отпор! И тогда наступит момент, когда я получу наивысшую плату за мое участие в войне.

Не буду иронизировать над фюрером, который, «хватаясь за соломинку», был готов принять желаемое за действительное. Скорее, можно иронизировать над господами типа Аллена Даллеса, которые после войны захотели реанимировать гитлеровские планы объединенного антисоветского похода.

22 АПРЕЛЯ. Только шесть дней прошло с момента начала наступления, только четыре дня миновало после разговора Гитлера с Вольфом. И если 16-го он надеялся задержать русских на Одере, 18-го рассуждал о спасении рейха с помощью США и Англии, то 22-го заговорил совсем об ином.

В этот день состоялась последняя в истории «третьего рейха» оперативное совещание под руководством «величайшего полководца всех времен» (так у нацистов было принято величать Гитлера). Оно закончилось такой сценой: после очередного доклада Кребса Гитлер бросил карандаши на лежащую перед ним карту и закричал:

— Все кончено! В таких условиях командовать я больше не могу! Война проиграна!

Как гибнут империи? В университетские годы мы читали об этом на страницах исторических трактатов. И сегодня неонацистские писавки хотели бы изобразить нечто вроде вагнеровской «Гибели богов». Однако в реальных событиях апреля 1945 года все выглядело более обыденно и постыдно.

Гитлер строил свой бункер явно не для того, чтобы он стал его последним пристанищем. Для этой цели готовилось нечто более торжественное. Гиммлер говорил: «Сразу после войны мы построим здание

— самое грандиозное и колоссальное во всем мире. Оно будет находиться на Кенигсплац в Берлине. В его залах вместятся до 300 тысяч человек. В подвале будут помещения под сводами, превосходящие все, о чем могли мечтать фараоны. И здесь будет погребен Адольф Гитлер в золотом саркофаге, украшенном уральскими самоцветами».

Получилось иначе: ни самоцветов, ни грандиозности. Крах!

Существует документ, который можно считать хроникой бегства крыс с тонущего корабля рейха. Это записная книжка Бормана — рейхсфюрера нацистской партии и секретаря фюрера. Борман не был силен в «дневниковом жанре» — он лишь записывал время приемов у Гитлера и кое-какие директивы. Но в последние дни он развернулся, кляня своих бывших сообщников.

Первым из «обоймы» выпал Геринг: он ретировался из Берлина еще 20 апреля, предпочитая перебраться в свою баварскую резиденцию, поближе к американским войскам, которым он собирался предложить свои услуги (что и сделал без особого успеха). 22-го он возмнил себя главой государства, вызвав бешенство фюрера, который 25 апреля немедленно лишил поторопившегося рейхсмаршала «всех постов и званий». Борман фиксирует: «Геринг исключен из партии». Мол, «некоторые думают, что должны действовать из высших побуждений. Черт их побери!»

Следующая очередь за Гиммлером: его личный представитель, женатый на сестре Евы Браун, группенфюрер Фегелейн 28 апреля был пойман при попытке к бегству. Запись: «Фегелейн разжалован». Борман чувствует недоброе: «Гиммлер и Йодль задерживают дивизии, которые идут к нам на помощь» (увы, дивизий-то не было!). А в ночь на 29 апреля Борман узнает из радиоперехвата, что Гиммлер вступил в переговоры с союзниками. Посредниками он избрал шведского графа Фольке Бернадотта и... представителя Всемирного еврейского конгресса Норберта Мазура. Предложения достигли адресатов: сохранилась запись телефонной беседы Черчилля с Трумэнном, состоявшейся 24 апреля. И хотя Черчилль заявил, что предложения Гиммлера «ему понравились», Трумэн решил отказаться. Позднее американские историки объясняли: как было сговариваться с Гиммлером, ежели Трумэну нужна была помощь СССР в разгроме Японии?

28 АПРЕЛЯ. В этот день назначенный комендантом Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин подписал свой первый приказ. Начиналась мирная жизнь, во что берлинцы никак не могли поверить. Ведь только-только отзвучали последние радиовопли Геббельса о грядущем «порабощении» — и вдруг советские войска начинают восстанавливать городской транспорт, даже раздают продовольствие.

Может быть, я и позабыл бы об одном эпизоде тех дней. Но вспомнить о нем заставила толстенная книга, которую совсем недавно получил из ФРГ. Это был 4-й том исследования «Германский рейх и вторая мировая война», предпринятого Военно-историческим ведомством бундесвера. В томе, посвященном 1941 году, естественно, еще не велась речь о взятии Берлина. Зато говорилось о блокаде Ленинграда — но как! Бундесверовский труд выдает индугенцию участникам этой бесчеловечной операции вермахта, цинично утверждая, что гитлеровским войскам «нельзя предъявлять морального упрека». Оказывается, блокада принадлежит к «обычным и бесспорным средствам войны». Тут же приводится обоснование: мол, и Красная Армия обстреливала Берлин, вынудив по нему более 1,8 миллиона артснарядов...

Прочитав это кощунственное сопостав-

ление, я сразу вспомнил: в дни Берлинской операции наш отдел получил срочнейшее задание генерала Малинина — нанести на план Большого Берлина данные о всех госпиталях, больницах, клиниках, электростанциях, газохранилищах, о системе водоснабжения и канализации. Мы принялись за работу, мобилизовав все наличные справочные данные. Вскоре все было готово. Отмеченные объекты не подлежали обстрелу и бомбежке. Почему? Да по той самой причине, которую господа из бундесвера сейчас хотят скрыть и замолчать. Планы вермахта были планами на уничтожение народов, планы советского командования — планами жизни. Берлин должен был жить!

30 АПРЕЛЯ. Битва в Берлине достигла кульминации. Можно было понять всех командиров и солдат — как им хотелось преподнести стране первомайский подарок!

Вечером из донесений наступающих войск стало ясно, что бои еще не завершились. А ночью из нашей 8-й гвардейской пришло срочное донесение: на участке армии появился парламентар, а за ним сам начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс!

Кто сказал, что, дабы писать о войне, писателю нужна дистанция? Думаю, Всеволод Вишневский и Евгений Долматовский, оказавшиеся в ту ночь на командном пункте генерала Чуйкова на берлинской улице Шуленбургринг, были рады, что их дистанция от исторических событий оказалась минимальной. Прямо перед ними сидел генерал Кребс, рядом с ним — Василий Иванович Чуйков.

Сохранились две записи: одна принадлежит Вишневскому, другая — Долматовскому. От переводчика, который участвовал в беседе, я слышал, что запись Долматовского точнее, и именно она была использована как штабной документ (очевидно, Вишневский, когда готовил запись для публикации, ее чуть «театрализировал»). Но обе записи не расходятся в главном: они сохранили для истории необычайную по своей драматичности сцену. Последний начальник генштаба гитлеровского рейха является и советскому командованию для того, чтобы принести весть о смерти Гитлера, и случайно попадает к герою Сталинграда!

Кребс долго излагал различные предложения, которые исходили от Геббельса (нового рейхсканцлера) и Бормана (свежеиспеченного «министра по делам партии») и преследовали весьма прозрачную цель: оттянуть капитуляцию, легализовать новое правительство, а заодно поспекулировать на возможных разногласиях в лагере победителей.

Здесь я позволю себе включиться в число очевидцев. В последние дни апреля штаб переехал из Ландсберга на окраину Штраусберга — городка на полпути от Одера до Берлина. Квартирмейстеры нашли удобные домики на восточном берегу небольшого озера, в лесу. До Берлина было километров 40, поэтому офицеру связи 8-й гвардейской пришлось потратить немало времени, чтобы доставить документы из дома на Шуленбургринг (а это юго-западная часть Берлина) в Штраусберг.

Поздно ночью, после составления очередной разведсводки, я малость вздремнул, не раздеваясь, в домике нашего отдела.

— Скорее, скорее, капитан! К командованию! — разбудил меня полковник Смыслов. Тот самый, который в январе 1943 года ходил к Паулюсу с ультиматумом.

Я вскочил и побежал. В небольшой комнате было все командование фронта. Маршал Г. К. Жуков протянул мне несколько листов:

— Переводите! Листки небольшого формата, бумага очень плотная. Текст напечатан необычно крупными буквами. Позднее я узнал, что для Гитлера печатали на специальной машинке, дабы ему не надо было надевать очки. Первая строка (как я ее запомнил) гласила: «Как первому не из немцев, сообщая вам, вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 30 минут добровольно ушел из жизни фюрер...»

Волнуясь, я перевел: «Первому из не-

немцев». Явно недовольный этой нескладной фразой, Жуков взглянул в мою сторону и переспросил:

— Что такое «не-немцев»? Кто-то разъяснил. Маршал сказал: — Ну ладно, дальше!

Дальше шел состав правительства и текст предложений. Фразу за фразой, как я переводил, диктовали по ВЧ в Москву дежурному генералу Ставки — для доклада Верховному Главнокомандующему.

Закончив устный перевод, я должен был сделать перевод письменный. Это заняло еще 10—15 минут.

А из Москвы пришел ответ: никаких переговоров! Если не хотят капитулировать перед всеми союзниками — возобновить боевые действия.

Берлин капитулировал!

9 МАЯ. Для церемонии подписания капитуляции было избрано одно из зданий инженерного училища в берлинском пригороде Карлсхорст.

Я не стану описывать историческую церемонию — даже если бы на ней присутствовал, то рискнул бы соперничать с авторами «классических» репортажей. Хотя, пожалуй, о некоторых деталях капитуляции вспомнить еще раз не мешает. Шутка ли сказать: капитулировала не дивизия, не армия, а вооруженные силы целого государства.

Основная нагрузка в организации капитуляции пала на штаб 1-го Белорусского фронта. В первую очередь маршал Жуков приказал доставить ему всю необходимую немецкую документацию. И это была беспрецедентная ситуация: можно было затребовать все документы у противника!

Сложность состояла лишь в том, что возглавлявшийся Кейтелем штаб верховного главнокомандования находился не в Берлине, а во Фленсбурге, в английской оккупационной зоне. Требование маршала было передано англичанам, и те направили его фельдмаршалу Кейтелю. Тогда из Фленсбурга прибыл с бумагами подполковник Шайбе.

Когда маршал Жуков взглянул на привезенные документы, то они оказались — по его определению — «фильминой грамотой». Признаться, я не сразу подыскал немецкий эквивалент. Шайбе сконфуженно молчал, и его тут же отправили восвояси.

Через день прилетел другой уполномоченный Кейтеля. Он явился с толстым портфелем (на этот раз с ним были подробные данные) и представился генералу И. И. Бойкову — начальнику оперативного отдела штаба фронта:

— Подполковник генштаба де Мезьер!

Генерал Бойков несколько удивился французской фамилии, переспросил подполковника, но в детали углубляться не стал. «Виллис» отправился в путь — от Темпельхофа до пригорода Вендешлоссе, куда штаб переехал из Штраусберга. Мне было приказано заняться подполковником, переводить беседы с ним. Впрочем, спрашивая особенно было не о чем. Лишь прибывший из Москвы генерал интересовался деятельностью немецкого штаба. Де Мезьер отвечал подробно. Этот допрос переводил другой офицер нашего отдела, будущий писатель и сотрудник «АГ» Сергей Львов. В последующие годы мы не раз вспоминали с Сергеем нашего «подопечного», ибо имя его стало вскоре известным: в 1954 году Ульриха де Мезьера назначили генеральным инспектором западногерманского бундесвера.

Однажды в Бонне я встретил моего «знаменитого» из Вендешлоссе. Он не особенно охотно вспоминал свою былую миссию. Действительно, каково было генеральному инспектору вспоминать о позорном конце фашистских вооруженных сил, в которых он был не на последнем счету! А вспоминать надо, даже очень полезно.

Но это уже не история. Это сегодняшний день, который немислим без уроков Великой Победы.